

В. Г Е Е Ц,
академик НАН України, академик РАН,
А. Г Р И Ц Е Н К О,
член-корреспондент НАН України

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО: НЕПОЗНАННЫЕ ГРАНИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ)

У контексті обговорення проблем, порушених у книзі, що вийшла у Росії та присвячена вивченню взаємовпливу економіки і суспільного середовища, розкрито ряд актуальних аспектів економічного і суспільного розвитку України: співвідношення наукових досліджень і політики, внутрішніх і зовнішніх факторів кризових явищ; адекватність економічної політики реальним економічним процесам; необхідність формування іншого стилю життя, інших споживчих орієнтацій, суспільних норм і пріоритетів; важливість об'єднання у розв'язанні цих питань зусиль науки, ідеології, релігії та культури. Розглянуто проблеми співвідношення демократії та соціально-економічного прогресу, переходу на інноваційний шлях розвитку, об'єднання зусиль держави і громадян для цілеспрямованого формування еліти українського суспільства.

Определяющим рефреном современности является глобализация. С ней связываются дальнейшие перспективы развития общества, глубокие кризисы и противоречия. Она — фактор больших достижений и катастрофических падений. В глобализации каждое единичное стремится превратиться во всеобщее, а всеобщее — воплотиться в каждом единичном. Экономический империализм выступает одной из форм проявления глобализационных процессов. Экономические подходы начинают применяться ко всем сферам общественной жизни, к политике, семье, браку и даже любви, что не разрешает, а углубляет существующие противоречия, доводя их иногда до кризисов самого разнообразного характера. Но экономисты — не единственные империалисты. Существует институциональный империализм, когда все общественные явления и процессы начинают трактоваться с точки зрения институциональных подходов.

О математическом империализме говорить не принято, хотя он реально существует. И даже Нобелевские лауреаты говорят о засильи математики в экономической науке, из-за которого теряется сама сущность экономических процессов. Английские экономисты даже жаловались на это королеве. Одни империалисты жалуются на империализм других. Физика тоже расширяет свое поле. Эконофизика стала достаточно широким научным направлением, в рамках которого выходят научные работы, проводятся международные конференции и т. п.

Все сказанное свидетельствует о росте взаимовлияния различных структур общества. основополагающая роль в этом процессе принадлежит взаимодействию экономики, на которой зиждется вся материальная жизнь общества, и ее общественной среды. Здесь кроется много неизвестного, непознанного, опасного и перспективного. Поэтому появление большой исследовательской работы известных и

авторитетных авторов ¹, изучающей неэкономические грани экономики, вызывает глубокий общественный и читательский интерес.

Это уже вторая книга, представляющая результаты междисциплинарного проекта “Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние”. В ней авторы делают акцент на духовно-нравственной стороне жизни общества, на общественно-политическом устройстве, интеллектуальном, научно-техническом и демографическом потенциале России, на роли элиты в общественном развитии. И хотя авторы обозначают свое произведение как научные и публицистические заметки, в действительности каждая статья одновременно является и глубокой исследовательской работой, и публицистическим произведением, то есть носит научно-публицистический характер. При этом публицистика и наука не разведены по разным частям, а служат единой цели совместного с читателем поиска истины. Несмотря на то, что в аннотации разделы книги называются статьями авторов, это не сборник статей, а по существу монографическое исследование, изучающее один и тот же предмет с разных сторон и позиций. Именно этим и определяется своеобразный “синергетический” эффект от книги.

Каждый заинтересованный читатель может найти в ней свой аспект и определить собственное видение авторских подходов. Здесь мы не ставим задачу дать развернутый анализ отстаиваемых в работе научных положений. Задача в том, чтобы выделить некоторые важные проблемы, представляющие интерес для украинского общества, и извлечь определенные уроки из их обсуждения. Тем более это интересно в контексте академических исследований, ведущихся в Украине, в том числе авторами данной статьи ².

Первый урок заключен уже в самом факте подготовки и выхода такой книги. Известные ученые и общественные деятели объединили усилия для того, чтобы нарисовать объективную, нелицеприятную картину современного общества и обсудить, наметить выходы из сложившейся ситуации. Современное общество базируется на экономике, но не сводится к ней. Наоборот, сама экономика испытывает влияние неэкономических факторов, без учета которых нельзя понять и саму экономику. Это принципиально важное положение не всегда учитывается экономистами, что, в свою очередь, порождает множество коллизий, связанных с неадекватными обществу экономическими рекомендациями. Объединение усилий не только экономистов, но и специалистов в различных сферах общественной жизни открывает возможности для преодоления профессиональной заангажированности и утверждения более широкого и всестороннего взгляда на социально-экономические процессы. Сам по себе этот факт является шагом в направлении консолидации общества, раздираемого противоречиями.

Здесь есть очень тонкие, но принципиально важные грани, отличающие научный подход от политического и других. Политик анализирует ситуацию с определенных политических позиций – партии, класса, социальной группы. Ученый же проводит исследования с точки зрения объективной истины, адекватного отражения объективной реальности. Его задача и его борьба за будущее общества заключаются в выяснении и доведении до сознания граждан реального положения дел. Как только ученый для достижения своих целей начинает использовать средства,

¹ См.: Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов (Рук. междисципл. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов; зам. рук. междисципл. проекта Б. Н. Кузик). М., Институт экономических стратегий, 2010, 800 с.

² См.: Г е е ц ь В. М. Суспільство, держава, економіка: феноменологія взаємодії та розвитку. К., НАН України; Ін-т екон. та прогнозув. НАН України, 2009, 864 с.; Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований (Под ред. д-ра экон. наук А. А. Гриценко). Х., “Форт”, 2008, 928 с.

отличные от собственно научных, то неизбежно становится политиком, и его позиция объективно, независимо от него, превращается в политическую.

Между тем открыто занимаемые позиции политика, религиозного деятеля, борца за права человека и т. п. являются необходимыми моментами отражения реальности, без учета которых невозможно познать научную истину. Иначе говоря, сложность задачи в том, чтобы, с одной стороны, всегда оставаться в рамках профессионального подхода, с другой – в результате интеграции этих подходов получить наиболее полное, всестороннее и конкретное представление о действительности. Это собственная задача науки и ученых. В анализируемой книге авторам в целом удалось решить эту достаточно сложную задачу.

В Украине тоже делаются попытки активного собственно научного (не политического) консолидированного влияния на власть и общество. К ним, в частности, можно отнести подготовку Национального доклада в НАН Украины³. Однако, как бывает в таких случаях в России и в Украине, он, хотя и получил положительную оценку власти и общественности, все же не был имплементирован в политическую и государственную деятельность.

Это не случайно. Политические власти России и Украины не были объективно заинтересованы в научных подходах. Точнее говоря, их интересы не совпадали с интересами развития общества как целого. Такое совпадение интересов объективно обеспечивается только формированием среднего класса, составляющего большинство общества. Пока этого нет, не может быть и укорененной демократии, государства, реализующего общественные интересы, элиты, представляющей интересы всего народа. Зато есть борьба кланово-олигархических групп за частичную приватизацию государственной машины как инструмента обеспечения своих интересов, периодические переделы собственности, засилье коррупции, авторитарные тенденции и прочие атрибуты переходного, слабо структурированного общества.

Задача науки в таких условиях – отстаивать собственно научные подходы, хотя они и не востребованы, и не профинансированы должным образом, и подвержены критике за отрыв от жизни и практики (которая представляет собой, прежде всего, практику господствующих экономических и политических сил). Тем не менее даже узкие (достаточно посмотреть на тиражи научных изданий) “струйки” научного знания, связывающие общественную науку и общество, являются совершенно необходимым условием его выздоровления. Без них выздоровление общества становится невозможным, хотя их существование – всего лишь одно из многих принципиально важных условий решения этой задачи.

Таким образом, первый урок состоит в осознании важности и абсолютной исторической необходимости развития научных подходов к изучению общества экономистами и другими обществоведами, несмотря на недостаточную их востребованность, попытки поставить их на политическую службу молодому, нецивилизованному и предельно наглому капиталу, который воспринимает научную критику как подрыв своих устоев, а потому пытается задушить ее на корню вместе с ее носителями и не брезгает при этом никакими средствами (включая сочетание “костлявой руки голода” и спасительных подачек благотворительности).

А сколько сегодня у нас остепененных “ученых”, никогда наукой не занимавшихся, научных книг не читавших, в библиотеках не работавших и искренне не понимающих, как можно работать над диссертацией в 150 страниц текста 3 и больше лет, но уже приходящих к руководству научными коллективами со своими представлениями о науке и “своими” кадрами. Если эти тенденции возобладают, то ни-

³ См.: Новий курс: реформи в Україні. 2010–2015. Національна доповідь (за заг. ред. В. М. Гейця та ін.). К., 2010.

какого будущего у нашего государства не будет. Ведь никто Украине не гарантировал и не мог гарантировать процветание в будущем. С еще большей вероятностью она может превратиться в стагнирующее и разлагающееся общество, откуда все более или менее цивилизованное будет улетать и куда все нецивилизованное будет “сливаться”.

Авторы рассматриваемой книги исходят из необходимости “разобраться в причинах переживаемого страной затяжного кризиса и найти пути оздоровления нашей жизни. Беды, испытываемые обществом, нынче усугублены глобальным экономическим кризисом. Но их корни следует искать не столько вовне, сколько внутри России. Страна на протяжении почти двух десятилетий реформируется по западным неолиберальным лекалам, которые, как показал опыт, не подошли к условиям России. Да и сами эти лекала оказались вчерашним днем идеологической моды” (с. 5). Это важная методологическая установка, которая, однако, должна быть конкретизирована. Что касается Украины, то выводы будут сделаны на основе собственных исследований авторов настоящей статьи, проведенных в Украине.

Причины кризисных явлений действительно нужно искать внутри страны, но сама она должна рассматриваться как элемент мировой, европейской и других систем. Без этого нельзя понять и внутренних причин, что легко продемонстрировать на примере Украины. Финансовый кризис 1998 г. в Украине был подготовлен созданием пирамиды государственных займов. Такая пирамида неизбежно рухнула бы чуть позже. Азиатский и российский финансовые кризисы только ускорили этот процесс. Но на них все было списано. В Украине до сих пор господствует мнение, что кризис 1998 г. пришел к нам из Азии и России, тогда как он был порожден в Украине, а внешние факторы послужили лишь его пусковым механизмом.

То же самое можно сказать и о кризисе 2009 г. в Украине. Огромные внешние заимствования под потребительское кредитование в иностранной валюте на покупку импортной продукции, обусловленное этим ревальвационное давление на гривню при достаточно высоких темпах инфляции создали разрыв между реальными основаниями стабильности национальной денежной единицы и ее формальной динамикой, что неизбежно закончилось кризисом. Его внешним пусковым механизмом стало существенное сокращение экспорта вследствие кризисных явлений в мировой экономике, приведшее к образованию дефицита платежного баланса, девальвации гривни и банковскому кризису.

Что события будут развиваться именно так, для специалистов не стало секретом. Перед кризисом 1998 г. из Комитета Верховной Рады Украины по вопросам финансов и банковской деятельности Президенту Украины были направлены материалы с анализом ситуации и выводом о возможном кризисе. Но реакции не последовало. Перед кризисом 2009 г. о возможном развитии ситуации предупреждали записки Института экономики и прогнозирования НАН Украины, адресованные органам власти, а также выступления на заседаниях Совета НБУ, возглавляемого в то время академиком В. М. Гейцем. Но реакции органов власти на это тоже не было.

Рассматривая соотношение внутренних и внешних условий в современном глобализованном мире, можно говорить о возникновении их рефлексивности, взаимоотсвечивания и взаимоположенности. Собственно, сами категории внутренних и внешних условий становятся не вполне адекватно отражающими ситуацию. Внешние условия превращаются во внутренние факторы экономического развития.

Украина приобрела деформированную отраслевую структуру экономики, в которой определяющее место занимают металлургическая и химическая промышленность, работающие на внешний рынок и обеспечивающие значительную часть валютных поступлений, в силу того, что в период рыночной трансформации про-

дукция этих отраслей была конкурентоспособной на внешних рынках. Внутренняя структура национальной экономики зависима от структуры внешних рынков. Возникла ситуация, когда — в связи с сочетанием инверсионного характера рыночной трансформации и глобализации — Украина приспособилась к внешним рынкам в качестве сырьевого придатка, не развив свой внутренний рынок. В этом классическим образом проявилось действие либеральной стратегии и законов рынка. И в рамках такой стратегии Украине больше ничего не светит. Если есть желание достичь чего-то иного (развивать внутренний рынок, переходить на инвестиционно-инновационный тип развития, улучшать структуру экономики), то необходимо подключать силу государства, промышленную политику, денежно-кредитные и бюджетные рычаги. Эти вопросы занимают в анализируемой книге заслуженно важное место.

“Экономическая роль государства, — пишут авторы, — является одной из центральных в рассматриваемой тематике. Должно оно максимально уступить место частному бизнесу и проводить политику “дерегулирования” или, напротив, совершенствовать свои управляющие функции, чтобы восполнять провалы рынка, обеспечивать социальную справедливость и гармонию интересов различных слоев общества?” (с. 7).

Таким образом, еще один урок состоит в том, чтобы не пытаться все свалить на внешние условия (мировой кризис, происки врагов, недружественные действия других стран и пр.), а искать внутренние причины сложившейся ситуации, но в тесном взаимодействии с этими внешними условиями, которые в силу рефлексивного характера связей превращаются во внутренние факторы социально-экономической динамики.

Стратегический ответ на современные проблемы — это переход к новой модели развития общества и его экономики. “Авторы книги считают, что выход из российского кризиса не сводится к устранению выявившихся сбоев в функционировании финансово-кредитной и производственных систем, снятию остроты социальных проблем. Текущие меры не решают существующих проблем, если не выработать новую идеологию и стратегию переустройства общества, не вооружить людей пониманием конечных целей преобразования и если сами цели не будут рождать подъем народного духа и энергии. Реформы, требующие из года в год жертв со стороны основной массы населения, вызывают разочарование и апатию. По мысли авторов книги, успех реформирования и его народная поддержка гарантированы тогда, когда оно шаг за шагом повышает уровень жизни населения, неуклонно расширяет его платежеспособный спрос и, как следствие, рынок для промышленности и сельского хозяйства. При этом на базе роста производства усиливается социальная направленность политики государства” (с. 6–7).

С такой стратегической установкой нельзя не согласиться. И это — еще один важный для Украины вывод из книги. Конечно, скептики могут сказать: “Кто же не хочет, чтобы реформы улучшали жизнь народа?”. Но, подобно тому, как необходимы болезненные операции, предшествующие хорошему самочувствию заболевшего человека, так необходимы и болезненные реформы для выздоровления общества. Однако этот старый аргумент не является весомым. Как и всякая аналогия, он основан на формальном сходстве, за которым могут скрываться как существенное сходство, так и существенное различие. В стране, где значительная часть населения не может удовлетворить свои нормальные потребности, а весьма много семей не могут даже нормально питаться, решение проблем путем “затягивания поясов” у широких народных масс не только безнравственно, но и экономически неэффективно и бесперспективно. Эти рекомендации как раз и основываются на

неолиберальных и монетаристских подходах. Анализ реальных воспроизводственных процессов дает иные рецепты, обеспечивающие сбалансированное развитие экономики и рост реального благосостояния населения. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на более чем 30-летний опыт развития Китая – это уже не только теория, но и практика, и не нескольких лет, а нескольких десятилетий. В книге опыт Китая также привлекается к анализу.

Анализируя уроки глобального и российского кризисов, академик О. Т. Богомолов называет ряд проблем российской экономики. “Среди них: болезненная инфляция, девальвация рубля, неразвитость внутреннего кредитного рынка, узость потребительского и инвестиционного спроса, беспрецедентная утечка за рубеж умов и капиталов, масштабная коррупция, деградация многих жизненно важных отраслей, включая сельское хозяйство, явная и скрытая безработица, падение уровня жизни и нищета значительной части населения, упадок нравов, чудовищное социальное расслоение, сокращение из года в год населения. Преимущества экономической глобализации переоценивались, а ее риски и угрозы недооценивались” (с. 11). Если бы не упоминание в приведенной цитате российской денежной единицы – рубля, то все это в полной мере можно отнести и к экономике Украины.

Отвечая на вопрос о назревающих переменах в неэкономических сферах общественной жизни и их отражении в политической мысли, академик О. Т. Богомолов пишет о решающем значении для будущего благополучия людей приумножения человеческого капитала. “Другими словами, знаний, умений, здоровья, общей и поведенческой культуры членов общества в каждой стране. Не менее важно укреплять доверие людей к власти, их уверенность в справедливости и жизнеспособности общественного устройства, обеспечивать сплоченность общества, наконец, способствовать активной гражданской и патриотической позиции граждан. Иначе говоря, наращивать и социальный капитал в странах мира” (с. 11–12).

Сегодня необходимость в серьезном пересмотре экономической теории признаётся многими современными экономистами. В книге приведены высказывания по этой проблеме такого известного журнала, как “The Economist”, лауреатов Нобелевской премии в области экономики Дж. Стиглица, П. Кругмана. П. Кругман, например, писал, что “за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем просто вредна” (с. 13). Недавно, уже после выхода рассматриваемой книги, стало известно, что студенты Гарвардского университета отказались слушать лекции по микроэкономике, считая, что этот курс далек от реальных проблем экономической жизни и способствует росту экономического неравенства в Америке ⁴.

По мнению академика О. Т. Богомолова, переоценка ультралиберальных рецептов является одним из самых важных выводов, который поможет преодолеть трудности кризисного периода (с. 14). Такая позиция все больше утверждается в международных документах, в подходах политических лидеров развитых стран. В мировом сообществе уже приступают к “работе над ошибками”. В книге высказано предположение, что США в конечном итоге предпочтут ограничиться частичной корректировкой существующей системы, тогда как европейцы и Китай продолжат поиск новой парадигмы постиндустриального развития.

Весьма важен сделанный в книге акцент на значении науки для решения современных проблем и дальнейшего развития общества. В США антикризисные программы строят таким образом, чтобы решение сегодняшних проблем сочеталось с получением крупных эффектов в будущем. “Мы дадим людям работу на

⁴ См.: Harvard Political Review. Harvard, November 2, 2011 (<http://hpronline.org/harvard/an-open-letter-to-greg-mankiw>).

строительстве школ, лабораторий, библиотек, — говорил Президент США Б. Обама, — чтобы наши дети могли конкурировать с любым работником в мире”. “Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни”, — это тоже слова Б. Обамы. Президент Франции Н. Саркози заявил о намерении направить на финансирование образования и науки 35 млрд. евро за счет займов у частного бизнеса, мотивируя это необходимостью вывода Франции, ее молодого поколения на высший мировой уровень знаний и конкурентоспособности (с. 17–18).

В этой связи авторы книги критикуют российское правительство за недостаточное внимание к обозначенным вопросам. Однако в Украине ситуация еще хуже. И если не будет осознана необходимость в принципиально иных подходах к решению этих проблем, то наше государство утратит всякую перспективу вхождения в круг успешных стран.

В книге подвергнут критике показатель ВВП как не отражающий многих аспектов жизни общества, что было подтверждено комиссией экономистов во главе с Нобелевским лауреатом Дж. Стиглицем. Показана слабость современной социальной и политической мысли, не обладающей достаточной способностью охватить обобщающим взглядом новые тенденции и реалии общественной жизни, оценить их смысл, направления и возможные последствия, а особенно — предложить адекватную политику. Нет четкого ответа на вопрос о том, какая модель общественного устройства вызывает на смену капитализму (с. 19–20).

Авторы книги исходят из того, что научная мысль должна вооружить политическую и хозяйственную практику адекватными показателями и индикаторами оценки духовного и физического здоровья общества, эффективности функционирования государственного управления, качества и профессионализма управленцев. Нуждаются в дополнении или преобразовании показатель ВВП, индикаторы состояния и развития реального сектора экономики, инфляции, прожиточного минимума и др. Глубокого теоретического анализа ожидают существенные изменения в системе международных отношений (с. 20–21).

На наш взгляд, стоит также обратить особое внимание на отрыв функционального экономического анализа от его логико-исторических оснований, выразившийся в ослаблении способности выяснять скрытую сущность процессов, отличающуюся от их видимых форм. Это обстоятельство послужило одной из важных предпосылок для современного глобального кризиса. В его основе лежит отрыв реальных экономических процессов создания стоимости от движения ее представителей (денег и ценных бумаг) в денежно-кредитной и финансовой сферах. Движение представителей стоимости в современном “мейнстриме” отождествляется с движением реальной стоимости. Естественно, что при таком подходе невозможно не только понять глубинные причины кризиса, но даже заметить уже четко проявляющиеся диспропорции, что и произошло в действительности. Хотя учебники по экономикс, микро- и макроэкономике почти на каждой странице используют понятие “стоимость”, все же нигде нельзя найти ее не то что исследования, но даже простого определения — в отличие от более конкретных производных понятий: “стоимость актива”, “стоимость недвижимости” и пр. Необходимо возвратиться к исследованию реальных воспроизводственных процессов на базе теории стоимости, обновленной и адекватной современной действительности, что, в свою очередь, даст методологический ключ и к решению проблемы обновления экономических показателей (ВВП, человеческого развития, СНС и пр.).

Среди стратегических задач, ожидающих решения, первой в анализируемой книге названа проблема роли государства в национальном хозяйстве. Здесь умест-

но привести в качестве авторитетного свидетельства выдержку из Доклада ООН “Мировой социально-экономический обзор. Переоснащение мирового развития”, изданного в середине 2010 г.: “Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку”⁵.

Позиция авторов книги заключается в том, что “сама дилемма – свободный рынок или контроль и участие государства в нем – выглядит надуманной. Вопрос заключается в правильном сочетании обоих начал в развитии экономики и принятии мер по наведению порядка в каждой из этих двух сфер” (с. 23). Такая позиция заслуживает полной поддержки. Она имеет в своей основе как углубленную теоретическую проработку проблемы, так и обобщение практического опыта функционирования государства в современных условиях.

К этому следует добавить необходимость в создании механизмов, которые бы обеспечивали формирование государства как представителя интересов общества в целом, а не его господствующих кланово-олигархических групп. Это особая проблема, заслуживающая обстоятельного обсуждения. Некоторые элементы создания таких механизмов рассмотрены в книге. В частности, это касается подбора кадров в государственном аппарате, который “должен происходить не по принципу лояльности начальству и “вменяемости”, не по родственной близости, дружбе и личным симпатиям, а по уровню компетентности, профессиональным знаниям и трудовому опыту, добросовестности, умению работать с людьми, готовности и способности отстаивать общественные интересы. Важно, чтобы восхождение на верх иерархической лестницы происходило ступень за ступенью, сопровождалось накоплением опыта и приобретением публичной известности” (с. 23). Реализация только одного этого требования могла бы существенно улучшить качество государственного управления как в России, так и в Украине.

Актуальны для Украины изложенные в книге рекомендации по увеличению доли инвестиций в ВВП, преодолению однобокости отраслевой и социальной структур экономики, снижению доли внешнеторгового оборота в ВВП, отказу от плоской шкалы налогообложения, переходу к справедливому налогообложению частной недвижимости и транспортных средств (особенно тех, которые в понимании общества относятся к категории вызывающей роскоши). В качестве положительного примера авторы упоминают установленный американскими законодателями 90-процентный налог на бонусы руководителей компаний, получивших государственную помощь.

В книге также рассматриваются подходы к инфляции и к борьбе с ней, отличные от монетаристских. По мнению авторов, “инфляция не сводится к переполнению каналов обращения деньгами. Она вызывается ростом издержек производства под влиянием различных факторов: повышения стоимости сырья и топлива, транспортных тарифов, заработной платы, удорожания импорта и т. д. На ее размерах отражаются монопольные сговоры, инфляционные ожидания, степень доверия к устойчивости экономической системы, налоговая нагрузка и прочие побочные расходы производителей, компенсируемые повышением цен. Поэтому бороться с инфляцией надо по всем линиям и разнообразными методами” (с. 33).

Инфляция по-разному сказывается на положении разных секторов экономики и слоев населения. Исследования специалистов свидетельствуют: цены на корзину товаров и услуг, потребляемых бедными и средними по достатку слоями насе-

⁵ См.: World Economic Outlook Supporting Studies IMF. 2000, p. 35.

ления, возрастали в России за последнее время не менее чем на 25–30% ежегодно, тогда как для богатых соответствующий показатель совпадал с официально публикуемыми данными (с. 34). В Украине ситуация мало чем отличается от России.

Это отражается не только на доходах населения, но и на развитии производства. Высокая инфляция снижает покупательную способность граждан, что, в свою очередь, приводит к сокращению сбыта в отраслях, работающих на внутренний рынок, и, соответственно, к замедлению роста и даже сокращению производства. Потребление же богатых слоев населения, ориентированных на приобретение импортных товаров, создает рынок для зарубежных производителей, а не для отечественных.

Авторы книги рекомендуют “сдерживать инфляцию не столько монетаристскими методами, сколько расширением платежеспособного спроса основной части общества и, соответственно, стимулированием производства и предложения отечественных товаров и услуг приемлемого качества и по доступным ценам. Недооценка труда в России, по сравнению с близкими к нам по уровню странами, ограничивает платежеспособный спрос населения. Так, часовая производительность труда, измеряемая ВВП на один отработанный час, в России примерно вчетверо уступает Италии, а часовая зарплата – почти в 10 раз. Ограничения спроса вызывают также трудности в получении кредитов бизнесом, особенно мелким и средним, приводят к непомерной дороговизне кредитных заимствований” (с. 34).

Большое значение в решении задач противодействия инфляции и развития производства придается созданию благоприятного инвестиционного климата, который зависит не только от экономических факторов, но и от эффективности государственного управления, отсутствия неоправданных бюрократических препон, политической стабильности, доверия инвесторов ко всей экономической, правовой и налоговой системе, состояния деловой морали и эффективности борьбы с коррупцией. Подчеркивается роль государства в содействии инвестиционной деятельности (с. 35).

Предложенный подход к пониманию инфляционных процессов и контролю над ними заслуживает самого пристального внимания. Господствующие сейчас в “мейнстриме” и в МФО подходы к инфляции основываются на теории, созданной на базе осмысления закономерностей функционирования достаточно сбалансированной экономики, какой была западная экономика последней трети XX в. Но ситуация изменилась. Экономика перестала быть сбалансированной, накопились огромные диспропорции, динамизм экономических процессов разрушает возможность эффективного применения старых моделей, построенных на не адекватных действительности представлениях.

В этой связи хотелось бы еще раз обратить внимание на феномен рефлексивности стоимости, денег и цен, который в условиях финансирования экономики приобретает особенно важное значение. Стоимость создается в реальном производстве товаров и услуг. Но чтобы стать действительной стоимостью, она должна быть реализована, превращена в деньги. Товары и услуги должны быть куплены. Если денег на покупку товара нет, то и созданной стоимости нет. Стоимость должна быть отсвечена в деньгах, высветиться в них, а деньги, в свою очередь, должны отсвечивать стоимость. Эти взаимоотсвечивание и взаимоположенность стоимости и денег реализованы в механизме цены как денежного выражения стоимости, или как стоимости, выраженной в деньгах. В цене отражен момент идеального тождества реальной стоимости и ее формального представления определенной суммой денег. И хотя в действительности существуют не только такое тождество, но и реальные различия стоимости и денег, их противостояние и конфликт (выпуск денег в коли-

честве, большем, чем необходимо для реализации стоимости; выпуск товаров, не находящихся спроса; распродажа неликвидных товаров по бросовым ценам и пр.), все же именно через этот момент тождества в экономику проникает фиктивная стоимость, превращающаяся затем в самостоятельную экономическую реальность. Если, например, закупки сырья вследствие монополии постоянно осуществляются по ценам, значительно превышающим его реальную стоимость, то часть реально не созданной, фиктивной стоимости попадет в экономический оборот и в дальнейшем процессе будет фигурировать как реальная стоимость, мультиплицироваться в финансовом секторе, требовать для своей реализации выпуска новых денег, которые по причине обслуживания фиктивно-реального оборота сами приобретают фиктивно-реальный и виртуальный характер. Без этого сейчас нельзя понять реальные процессы денежно-кредитного обращения и ценообразования.

Но из этого следуют и другие важные выводы, касающиеся монетарной политики. Сегодня ее уже нельзя осуществлять на основе монетаристской теории. И поведение центральных банков ведущих стран мира во время кризисов это ярко продемонстрировало. Правда, сейчас это в большинстве случаев изображается как действия в чрезвычайной ситуации, и предполагается, что по мере ее преодоления произойдет возврат к предыдущей стратегии монетарной политики. Но это не так. Монетаристская теория “работает” на поддержание сбалансированности в условиях равновесной экономики или кратковременных отклонений от нее. И такие ее достоинства, конечно же, нужно использовать. Но современная экономика все больше становится принципиально неравновесной, что обусловлено возрастающим динамизмом экономических процессов и нуждается в адекватном теоретическом осмыслении.

Конечно, неравновесные концепции не отрицают теорий равновесия. Последние становятся лишь моментом более широкого подхода. Даже простая ходьба человека есть постоянное нарушение и восстановление равновесия (человек наклоняется вперед и на мгновение теряет равновесие, но в это время он выносит ногу вперед и переходит в другую точку равновесия, и т. д.). Так же происходит и с развивающейся экономикой. Нужно учиться вовремя и в нужное место переставлять “ноги экономики”, чтобы она в своем движении не завалилась. Теории, основанные на равновесности, помогают стоять, не падая, или подняться, если по какой-то причине падение уже произошло, но они не описывают весь цикл движения вперед.

Подходы к монетарной политике, не отрицая монетаристских положений как моментов целостного видения, должны быть расширены и углублены до понимания реальных воспроизводственных процессов в экономике. Стратегия монетарной политики должна стать частью теории расширенного воспроизводства на инвестиционно-инновационной основе. Если имеются, с одной стороны, материальные и трудовые ресурсы, а с другой – реальные потребности в товарах и услугах, которые, однако, не обеспечены деньгами (в Украине наблюдается именно такая ситуация: например, с одной стороны, существуют огромные материальные и трудовые ресурсы для увеличения производства продуктов питания, а с другой – значительная часть населения плохо питается или даже недоедает из-за недостаточных денежных доходов), то задача заключается в такой организации денежно-финансовых потоков, чтобы они обеспечили не только финансирование увеличения производства тех или иных товаров, но и денежные доходы субъектов, имеющих реальные потребности в этих товарах.

Разумеется, сами по себе рыночные механизмы такую задачу в принципе решить не могут. Они опираются на существующую структуру и поддерживают сложившиеся

ся тенденции, делая тем самым богатых еще богаче, а бедных оставляя в бедности. Изменить ситуацию может только целенаправленная государственная политика, скоординированная во всех своих составляющих: промышленной, инвестиционной, финансовой, бюджетной, денежно-кредитной и т. д. Это предполагает наличие соответствующих инструментов и институтов: банков развития; механизмов их рефинансирования под низкие процентные ставки для осуществления государственных программ; инвестиционно-инновационных фондов; системы социального обеспечения слоев населения, не имеющих реальных возможностей предъявить рыночный спрос на уровне удовлетворения нормальных потребностей; и пр.

Для примера можно рассмотреть ситуацию, предшествовавшую кризису 2009 г. в Украине. Отечественные банки динамично наращивали кредитование потребительского сектора в иностранной валюте для покупки преимущественно импортных товаров за счет дешевых внешних займов. Это создавало разрыв между реальными воспроизводственными пропорциями и структурой денежно-кредитных потоков, подготавливая кризис. В чем в этой ситуации заключалась политика НБУ? Он удерживал национальную валюту от ревальвации, выкупая суммы превышения предложения валюты над спросом на нее и наращивая тем самым валютные резервы, что правильно. В то же время НБУ пытался бороться против инфляции, провоцируемой выпуском денег в обращение посредством выкупа валюты, путем использования весьма слабых инструментов стерилизации денежной массы, что тоже правильно, но малоэффективно. Все это хорошо вписывалось в господствовавшую концепцию монетарной политики. Но действия для предотвращения кризиса и для сбалансирования экономики должны были быть совершенно иными.

Во-первых, НБУ должен был обеспечить доступ банков к национальным кредитным ресурсам по цене, не превышающей цену зарубежных заимствований. Сделать это можно через банки развития, которые не ставят прибыльность своей главной целью и работают вместе с другими банками по правительственным программам развития производств, направленным на импортозамещение по наиболее важным группам товаров. Правда, такие банки тоже необходимо было создавать. Кроме того, следовало ограничить (прежде всего, экономическими методами, а иногда и их сочетанием с административными) зарубежные заимствования под потребительское кредитование. Это сразу уменьшило бы ревальвационное давление на национальную валюту и инфляционное давление со стороны денежной массы, выпущенной в обращение в результате выкупа валюты.

Во-вторых, необходимо было отказаться от потребительского кредитования в иностранной валюте, поскольку это создает неоправданные валютные риски и вообще противоречит экономической логике. Ведь потребители могут приобретать товары и услуги только за национальную денежную единицу и, как правило, не имеют источников валютных доходов.

В-третьих, вопросы, связанные с уровнем инфляции, динамикой обменного курса и денежной массой, следовало решать не на основе формальных монетарных правил, а с учетом реального воспроизводственного процесса и необходимости его корректировки в соответствии с целями экономической политики правительства.

Но такой подход предполагает опору на совершенно иную концепцию монетарной политики, иное понимание самостоятельности и монетарного суверенитета центрального банка, иные его взаимоотношения с правительством. Методологическим основанием такого подхода является концепция совместно-разделенной деятельности и совместно-разделенной ответственности центрального банка и правительства за денежно-кредитную политику. У кого возникают сомнения по поводу целесообразности такого подхода, тот пусть вспомнит действия центральных

банков и правительств развитых стран во время кризиса и представит, что было бы, если бы они не объединили усилия в рамках своей ответственности, а действовали по теоретическим канонам либерально-монетаристской теории.

Заслуживает поддержки постановка вопроса о необходимости новых решений в соотношении производства и потребления. “Так называемое общество массового потребления, сложившееся на Западе после Второй мировой войны, ориентировало на *гиперпотребление* (т. е. избыточное потребление, связанное с удовлетворением искусственных, зачастую навязанных извне, престижных потребностей), которое способствовало росту государственного долга, бюджетного дефицита, дефицита торгового баланса и явилось одним из источников нынешнего кризиса” (с. 72). Это сформировало определенный стиль жизни, который разлагающе действует как на личность в частности, так и на общество в целом.

В этой связи возникает острая необходимость в формировании иного стиля жизни, иных потребительских ориентаций, общественных норм и приоритетов. Однако, несмотря на то, что этот вопрос неоднократно в той или иной форме поднимается в книге, все же четких ответов на него не прослеживается. И это не удивительно. Ведь образ жизни органично включен в способ производства материальных благ и не меняется легко и быстро по желанию людей. Это – естественноисторический процесс. Но в то же время общество не может оставаться пассивным и безучастным к этой проблематике. Все естественноисторические процессы осуществляются через деятельность людей. Проблема уже назрела и поставлена самой историей. Природа не выдерживает хищнической эксплуатации своих ресурсов в целях безудержного увеличения потребления, жертвой которого становится и сам человек.

В решении этих проблем особое значение приобретают нравственные основания, идеологические установки и культура. В книге в разных аспектах обсуждается широкий круг таких вопросов. Мы бы хотели подчеркнуть важность единства подходов к соответствующей проблематике со стороны науки, идеологии, религии и культуры. Разумеется, наука, религия и искусство по-разному отвечают на мировоззренческие вопросы, но должен существовать круг общечеловеческих ценностей, которые признаются и уважаются всеми и следование которым считается общепризнанной нормой. В советские времена моральный кодекс строителей коммунизма в своем основном содержании совпадал с требованиями христианской морали.

Не убей, поступай по отношению к другим людям так, как ты бы хотел, чтобы другие поступали по отношению к тебе, уважай старших, помогай слабым, заботься о своем здоровье и развивай свои способности, избегай излишеств, не стремись к избыточному богатству, и т. д. Такие простые вещи, с самого рождения и со всех сторон внушаемые формирующемуся человеку, становятся для него предрассудком, непререкаемой нормой, которой он следует, не задумываясь. Особенно если это еще подкрепляется господствующими правилами деятельности и общежития в обществе.

Человека можно воспитать так, что он будет убивать неверного, легко расставаться со своей жизнью в борьбе с неверными и получать от этого удовольствие. Его можно воспитать так, что он будет ставить интересы Родины превыше всего, а можно так, что он будет заботиться только о своей шкуре, не зная ни на кого и ни на что. Мальчиков можно воспитать так, чтобы они всегда оказывали знаки внимания девочкам, уступали им место в транспорте и пр. А можно девочек воспитать так, что такое отношение мальчиков будет восприниматься ими как унижение, как проявление неравноправия. В одних обществах или религиях допускается многоженство, в других (реже) – многожество, в третьих – нормой считается моногамный брак, и этой норме следует большинство, в четвертых – официально признается моногамия, а неформальным правилом считается наличие внебрачных свя-

зей. И все это — общественные нормы. Но каждая из них существует в своей среде, а в другой среде может не только не быть нормой, но и считаться аморальной.

В 90-е годы XX в. возникли группы людей, для которых физически устранить своего конкурента в бизнесе — это такая же задача, как, например, отодвинуть мешающий движению предмет. Вопросы морали и нравственности здесь просто не возникают. Человеческая психика и сознание очень пластичны. Это механизмы адаптации человека к общественно-природной среде. И их нужно научиться использовать не для манипуляций в интересах господствующих слоев населения, а в интересах развития человека и общества в целом.

В этом контексте особенно интересной представляется позиция Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Он пишет, что церковь не должна обслуживать политику властей, но она и не призвана быть оппозицией. “Церковь независима, она вне политической борьбы, она объемлет всех, но она не безучастна в оценке политического процесса и всего того, что в мире происходит. Она дает нравственный, духовный комментарий, а не политическую коррективу политических программ. А как же строить отношения с государством? Ведь существует огромное количество вопросов, которые нужно решать вместе с государством. Это вопросы общественной нравственности, воспитания, вопросы сохранения культурного наследия, содействие экономическому возрождению и многое другое. Церковь должна входить в диалог с государством и устанавливать систему сотрудничества” (с. 105).

Во многих аспектах, касающихся гуманистической направленности общественного развития, позиции науки и церкви совпадают. Они критически оценивают современный процесс радикальной рыночной глобализации, который “углубляет в человеческом обществе разделение между успешными и неудачниками, умаляет ценность многих людей, имеет катастрофические экологические последствия и становится, особенно ввиду изменения климата, не совместимым с устойчивым будущим планеты” (с. 107). Кризис рассматривается также и как возможность очищения.

С позиций церкви, “экономика не может быть эффективной, если она не строится на принципах социальной справедливости и ответственности. В противном случае ни о какой свободной конкуренции и о законной стабильной прибыли говорить не приходится” (с. 107). Экономическая наука давно обсуждает проблему соотношения экономической эффективности и социальной справедливости, решая ее на математическом уровне. А объективный процесс развития, повышая роль и значение человеческого фактора в экономике, все больше делает критерий эффективности социально-экономическим.

Признаёт церковь и необходимость материальной заинтересованности. “Конечно, — пишет Патриарх Кирилл, — первым и важнейшим мотивом развития экономики является материальная заинтересованность человека. И Церковь не отрицает этот мотив, поскольку в основе его лежит стремление человека улучшить условия жизни для себя и своей семьи. Но стремление приумножить личное благосостояние — это не единственный мотив, который должен двигать экономическими отношениями. С точки зрения православной этики, другим таким мотивом является стремление помочь ближнему, желание видеть, что результаты труда приносят пользу не только конкретному человеку, но и стране, обществу, в котором этот человек живет. Если один из упомянутых мотивов перестает работать, кризис неизбежен. Именно это мы сейчас и наблюдаем” (с. 107).

А разве экономисты не должны строить теории таким образом, чтобы отражать в них не только индивидуальные, частные, но и коллективные, общественные интересы? Экономический человек, частная собственность, методологический

индивидуализм и другие понятия этого ряда — полезные, но очень тощие абстракции, не способные отразить целостный механизм функционирования и развития общества. Абсолютизация этих абстракций, придание им господствующего статуса послужили обоснованию формирования того общества, которое сейчас пребывает в кризисном состоянии. На смену этим абстракциям должны прийти понятия общественного человека, впитавшего в себя абстракции экономического, институционального, политического, креативного и иных односторонних отражений форм человеческого существования; многообразия форм сочетания в процессе хозяйствования частной и общественной собственности; методологии совместно-разделенных отношений, позволяющей раскрыть логику формирования и развития человека и общества в их единстве на всех исторических этапах, снимающей противоположности индивидуализма и холизма, дающей ключ к гармонизации общественных отношений.

К тому же, и в этом нельзя не согласиться с Патриархом, “для подавляющего большинства жителей Земли призыв к материальному самоограничению не совсем актуален, для них главное сейчас — элементарно выжить и заработать себе на хлеб. Тем более нельзя смешивать гедонизм с естественным желанием человека жить достойно и обеспечить всем необходимым свою семью” (с. 109). В ментальности народа заложено стремление к умеренному достатку, а не к обогащению любой ценой.

Полное единство науки и религии проявляется и в таких подходах: “Говоря о духовно-нравственных основах и путях развития науки, образования и культуры, мы должны ясно и с полной ответственностью понимать, что у нашего народа вообще нет будущего, если наука и образование не станут национальными приоритетами; что у нас нет достойного будущего, если настоящая культура будет влачить жалкое существование на фоне расслабляющей вакханалии масскульта. Мировой опыт свидетельствует, что лишь те страны, в которых науке и образованию уделяется должное внимание, могут сохранить свой суверенитет и успешно развиваться” (с. 133).

Поэтому считаем необходимым обратить внимание на, казалось бы, частный, но на самом деле стратегический вопрос взаимосвязи экономического развития, образования и культуры. В Украине (хотелось бы думать, что по недоразумению, а не по злему умыслу) из нормативных дисциплин, изучаемых в вузах, некоторое время назад была исключена экономическая теория. Не изучается она и во многих школах. А теперь представьте себе специалиста с высшим образованием, который никогда не знакомился с тем, что такое цена и стоимость, как функционируют предприятия, в чем суть заработной платы и прибыли, откуда в обращении берутся деньги, какова роль центрального банка и в чем состоит смысл денежно-кредитной политики, как образуются и используются государственные финансы, и т. д. Да такому человеку можно рассказывать любые экономические сказки — он изначально дезориентирован и не способен самостоятельно судить ни об одном экономическом факте.

Если цель такого решения об изучении экономической теории — превратить граждан Украины в слепое орудие манипуляций, то можно считать, что она поражена в “десятку”. Если бы кто-то специально думал над тем, как не очень заметно, но в перспективе наверняка, подточить способность общества к самостоятельной оценке действительности, то лучшего способа придумать невозможно. В других странах не только повсеместно изучаются экономические дисциплины, но и существует разветвленная система повышения экономической грамотности населения, его обучения рациональному использованию денег, облигаций, акций и т. д. Это элемент демократии.

Большая часть жизни любого человека (который работает, получает заработную плату и другие доходы, ежедневно совершает покупки и платежи, сберегает

деньги в банке или просто откладывает их на очередную покупку, и т. д.) связана с экономикой. Поэтому он имеет право и обязан перед собой, своими близкими и обществом иметь об экономике хотя бы элементарные знания и судить о происходящем в экономической жизни общества сознательно. Лишать его такого права не только аморально, но и преступно. Общественность уже отреагировала на возникшую ситуацию. В Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины направлено письмо от НАН Украины и Межведомственного совета по экономической теории с предложением исправить такое состояние вещей. Надо надеяться на скорое устранение этого недоразумения.

Значение проблемы неэкономических факторов в экономическом развитии очень хорошо можно продемонстрировать на обсуждении упоминаемой Б. Н. Кузиком книги Л. Харрисона “Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки”. Хотя по поднятым в этой книге вопросам существуют разные мнения о первичности тех или иных факторов, нельзя не отметить бесспорное влияние духовной сферы на экономику. “Думается, — указывает Б. Н. Кузик, — в заголовке этой книги точно схвачено нечто очень важное: состояние ума человека, нации, человечества, понимаемое как совокупность духовно-нравственных качеств, образованности и умения, гражданственности и ответственности, а вместе с тем впитанных этим умом традиций, цивилизационных характеристик и представлений определяет чрезвычайно многое в судьбе социума любого масштаба. В том числе и его экономики, способности ее к развитию и процветанию, или, наоборот, — предопределенность отставания” (с. 138). Вряд ли кто-то станет отрицать значение этого положения для понимания того, что произошло с Украиной и как надо действовать, чтобы изменить ситуацию.

С точки зрения применения к анализу ситуации в Украине, полезным является содержащееся в книге рассмотрение антиномий современного общественного сознания. Антиномии — как противостояние, взаимоисключение двух основных преобладающих утверждений — всегда выступают признаками крупных общественных сдвигов. Но в Украине антиномии в общественном сознании имеют и другую, историческую основу, связанную с длительным процессом развития разных частей современной Украины в различных историко-политических и культурных условиях и контекстах. Но методологический подход к разрешению этих и других антиномий должен быть общим. “Антиномии общественного сознания, — пишет Ж. Т. Тощенко, — будучи проявлением кризисного состояния общества, требуют разрешения. Реально ли преодолеть многочисленные антиномии, не доводя общество до социального взрыва? На наш взгляд, требуется одно принципиальное решение — отказ от прежней практики преодоления разногласий путем устранения одной из сторон, когда в каждом носителе иного и особенно противоположного мировоззрения виделся враг, а не оппонент, с которым можно обсуждать спорные проблемы, находить возможные согласованные решения. Способ решения антиномичности предполагает, что противостоящие стороны ни в коем случае не должны жаждать унижения, расправы или уничтожения противостоящей общественной силы. Тогда становится возможным компромисс, нахождение новой модификации общества, которая будет носить другое качество и другое измерение” (с. 201).

Большое внимание в рассматриваемой книге уделено СМИ, которые по существу являются в современном обществе “четвертой властью”. Следует согласиться с утверждениями авторов о том, что в настоящее время СМИ не несут абсолютно никакой ответственности за психологическое и воспитательное влияние на граждан, за формирование духовно-нравственной атмосферы в обществе и развитие отечественной культуры в целом (с. 231); что реклама становится идеологией потребления, сво-

его рода институтом социализации, проектирующим и формирующим нужного ей человека — “человека потребляющего” (с. 249); что культурная деградация населения, столь отчетливо фиксируемая специалистами на материале высокого искусства, становится настоящей катастрофой для экономики страны (с. 254).

Не имея возможности более обстоятельно проанализировать интересный материал, представленный в этой части книги, приведем лишь рекомендации, сформулированные А. С. Запесоцким — ректором и заведующим кафедрой Санкт-Петербургского гуманитарного университета. На наш взгляд, эти рекомендации носят достаточно радикальный характер, не со всем в них можно согласиться (особенно учитывая современное состояние государства), но они могут послужить хорошим поводом для назревшего обсуждения путей реформирования системы массовой информации не только в России, но и в Украине.

1. Государству целесообразно на длительный период возвратиться к прямому регулированию идейно-нравственных и художественных аспектов деятельности СМИ, взять на себя ответственность за это, внося существенные изменения в действующее законодательство.

2. По мере совершенствования отношений в рамках складывающейся сегодня общественно-экономической формации государство и укрепляющиеся институты гражданского общества должны создавать новую систему управления СМИ.

3. Коммерческая и содержательная стороны деятельности СМИ должны быть полностью разделены и изолированы законодательно и фактически.

4. Государство обязано усовершенствовать законодательство и в особенности правоприменение, добиться реальной ответственности СМИ за достоверность распространяемой ими информации.

5. Целесообразно ввести цензуру как государственно-общественный институт контроля за содержательной стороной деятельности СМИ.

6. Необходимо принять государственные меры по укреплению журналистского корпуса страны, имея в виду усиление профессиональной подготовки кадров (включая этический компонент), создание профессионального союза журналистов, способного обеспечить корпоративное соблюдение высоких профессиональных и этических стандартов, устранение из сферы СМИ персон, замешанных в коррупции и в связях с криминалом, вплоть до “запрета на профессию”.

7. Полезны создание и осуществление постоянно действующего государственного мониторинга сферы СМИ — научных исследований их влияния на различные группы населения и культуру России в целом.

8. Государство должно отказаться от установки на психологическое манипулирование населением, реализуемой федеральным телевидением.

9. Должны быть разработаны и внедрены стандарты регулирования рекламного воздействия на население, а также коренным образом изменен характер коммерческих взаимоотношений производителей.

10. Следует иметь в виду, что создание отдельных “нишевых” каналов позитивной направленности (таких, как “Культура”, “Наука”, “Образование”, “Просвещение”, детское вещание и т. п.) в принципе не способно изменить ситуацию в условиях деструктивного влияния доминирующих телеканалов (с. 257–258).

Существенное значение для Украины имеют и обсуждаемые в книге проблемы соотношения демократии и социально-экономического прогресса. Современная экономика, основанная на знаниях и результатах инноваций, — отмечает академик О. Т. Богомолов, — требует демократического переустройства. Она нуждается в свободных, образованных и независимо мыслящих личностях. Глобализация стимулирует распространение демократии, поскольку информация и знания очень быстро

становятся общемировым достоянием. Примеры успешно функционирующей демократии обретают большую притягательную силу для прогрессивной общественности и даже правящих кругов в разных странах мира. Все больше накапливается доводов и фактов в пользу того, что эффективная демократия, претворяющая в жизнь свои основополагающие принципы, может быть серьезным фактором экономического роста и повышения национальной конкурентоспособности (с. 297–298).

Однако при низком материальном и культурном уровне населения, при наследии вековой несвободы попытки ускоренного перехода к демократическому устройству западноевропейского или американского типа могут принести противоположные результаты. Непросвещенными и забитыми житейскими тяготами людьми манипулировать легко. В таких условиях свобода и гласность могут обернуться торжеством бесправия и демагогии, разгулом криминала и самоуправства. Они способны расчистить путь наверх для карьеристов и проходимцев. Поэтому утверждение демократии в незрелом обществе не может не быть поэтапным и достаточно длительным процессом. Во имя поддержания стабильности и порядка в обществе, в интересах подготовки и постепенного созревания подлинной демократии свобода волеизъявления и выбора, гласность и свобода слова могут подвергаться контролю и ограничению со стороны властвующих верхов. Но это может делаться верхами и с корыстной целью максимально долгого удержания власти и ухода от ответственности за злоупотребления ею (с. 299).

В этих условиях вполне закономерно возникает мысль о необходимости поиска альтернативной модели демократии, отвечающей современной ситуации (с. 302). На наш взгляд, такая модель может быть результатом только встречного движения гражданского общества и власти. И желательно, чтобы это был процесс добровольный и осознанный, а не вынужденный выходящими из-под контроля обстоятельствами. Интересные в этом отношении перемены происходят в последнее время в России. Они нуждаются в осмыслении применительно к ситуации в Украине.

С вопросами демократии органично связана проблема выбора модели социального государства. Опыт европейских государств показывает наличие у них таких общих черт, как существование крупного среднего класса с относительно высоким уровнем жизни; отсутствие крайней дифференциации доходов разных слоев населения; государственные социальные гарантии для населения (бесплатная медицинская помощь и образование, предоставление нуждающимся социального жилья, достойные пенсии и др.); значительная роль государства в перераспределении доходов; практика государственно-частного партнерства; оправдавшие себя формы демократического устройства и гражданского общества.

С учетом опыта европейских государств академик О. Т. Богомолов говорит о необходимости для России в решении следующих задач:

- сохранение социальных завоеваний прошлого и важной регулирующей роли государства в восполнении провалов рыночной экономики;
- недопущение беспрецедентной пропасти между бедными и богатыми, массовой нищеты и высокой безработицы, обеспечение достойного уровня средней заработной платы;
- создание каждому равных возможностей (вне зависимости от благосостояния, религии, национальности и места жительства) для реализации своих способностей, получения образования и обеспечения собственным трудом достойного уровня жизни;
- активизация роли государства в соблюдении интересов всего общества, в формировании социально справедливой политики доходов, в предоставлении основных социальных гарантий всему населению, в развитии науки, культуры,

здравоохранения и просвещения, в охране окружающей природной среды, в поддержке инноваций и технического прогресса, в борьбе с преступностью и в поддержке необходимого морального климата в стране;

– обеспечение демократических процедур принятия важнейших государственных решений, честное информирование общества о положении дел в стране, поддержка институтов гражданского общества, гарантирование независимости СМИ и демократический контроль за их деятельностью (с. 313).

Думается, все эти задачи актуальны и для Украины.

Весьма интересны в этом контексте положения статьи Л. И. Кондрашовой “Какая демократия нужна Китаю?”. Прежде всего, обращают на себя внимание заслуживающие поддержки позиция неприятия глобалистского демократического проекта и методологический подход к рассмотрению демократии в разных ипостасях: как типа политического устройства, как процедуры формирования и смены элит, как инструмента формирования гражданского общества и как некой мировоззренческой установки. “Согласно этой логике, – пишет Л. И. Кондрашова, – широкий диапазон демократических требований и их субъективистские трактовки не позволяют установить единый “демократический стандарт”, необходимый для зачисления той или иной страны в “демократическую конгрегацию”. Отсюда следует вывод о многообразии демократических обликов разных стран и закономерной эволюции критериев демократичности. Жизнь убеждает в порочности механического перенесения западных учреждений в условия других стран и бездумной имитации понятийных моделей, хорошо зарекомендовавших себя применительно к западным политическим реалиям” (с. 317).

Сравнительный анализ показывает историчность категории “демократия”, содержание которой меняется в разные эпохи. И нынешняя “эталонная демократия” в будущем может сильно измениться под влиянием процессов экономической интеграции, повышения среднего уровня образования, внедрения новых средств электронной коммуникации и других причин. Все большее признание находят идеи специфичной эволюции отдельных обществ, согласования экономических, социальных и политических реформ (с. 317).

Весьма критичны, но вполне обоснованны выводы, касающиеся реального содержания современной демократии: “Нарастающее “разочарование демократией” объяснимо также тем, что прямая демократия в больших сообществах технически невозможна, а “представительная демократия” на глазах вырождается в систему лоббирования интересов мощных экономических групп, конкурирующих друг с другом. При современном развитии средств массовой информации политтехнологи успешно манипулируют общественным мнением и легко симулируют демократические порядки. Техника управления обществом все более сближается с техникой маркетинга. Мало того что выборы не позволяют выделить наиболее достойных кандидатов во власть, они к тому же не способны обеспечить контроль над властью со стороны народа” (с. 322).

Представляют интерес мысли автора статьи о связи идеалов демократии в китайской политической культуре с конфуцианским принципом этического управления, идеями “естественного управления” и самоуправления (с. 320). Хотелось бы обратить внимание и на такой китайский весьма демократический опыт в сфере бюрократии. На протяжении многих веков в Китае действовал порядок комплектации бюрократических структур с помощью системы экзаменов, позволявших выявлять эрудицию претендентов на должности и их готовность к выполнению управленческих обязанностей. “Уже в I веке до н. э. в Китае была учреждена высшая школа “тайсюэ”, явившаяся прообразом университета, а к VII веку, когда

развернулось насаждение системы императорских экзаменов, была по всей стране создана сеть классических учебных заведений. Из числа успешно выдержавших экзамены, в которых мог формально участвовать каждый желающий, шло формирование бюрократов разных уровней. Такого формального равенства возможностей при вхождении в управленческую элиту Европа никогда не знала” (с. 321).

Не мешало бы перенять такой опыт Китая и Украине, где вследствие многократных смен власти, которые сопровождались, в отличие от развитых демократий, не только сменой политических фигур, но и глубокой чисткой аппарата по принципу “привести своего”, катастрофически снизился профессионализм в работе, что нанесло непоправимый вред развитию общества. Сейчас достаточно часто приходится иметь дело с вышедшими из “недр” министерств документами, которые свидетельствуют о том, что их авторы не только не обладают элементарной культурой, не знают существа дела, но и выдают подлежащие исполнению распоряжения, напрочь лишённые всякого здравого смысла. Примеров тому множество. Для Украины создание эффективной системы подбора кадров для государственной службы и их профессионального роста, обеспечение качественной работы государственного аппарата становятся сейчас вопросом жизни или смерти государства. К сожалению, это не единственный такой вопрос.

Огромное значение для Украины имеет переход на инновационный путь развития. Эта проблематика тоже достаточно основательно освещена в книге. Мы обратим внимание только на положения, связывающие антикризисную стратегию с макроэкономической политикой и приоритетами долгосрочного технико-экономического развития. Именно такой связи особенно недостает Украине. По мнению академика С. Ю. Глазьева, антикризисная стратегия должна предусматривать: создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также нацеливать деятельность государственных институтов развития на их реализацию; формирование каналов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции; настройку макроэкономической политики на обеспечение благоприятных условий для инновационной деятельности (с. 588).

Хотелось бы обратить внимание и на такой чрезвычайно важный для Украины вопрос, как формирование элиты. В книге эта проблема затрагивается в ряде статей и рассматривается с разных позиций. Следует согласиться с Р. Х. Симоняном в том, что нельзя весь правящий слой относить к элите — необходимо различать элиту и номенклатуру. В переводе с французского элита (elite) означает лучшую, отборную часть какого-либо живого или растительного сообщества. В свою очередь, номенклатура (от латинского nomenclature) означает роспись имен, всего лишь круг должностных лиц, назначение и утверждение которых относятся к компетенции какого-либо вышестоящего органа. Многие исследователи разделяют точку зрения, в соответствии с которой то, что во многих публикациях фигурирует под названием “элита”, по существу является ведомственно-иерархической номенклатурой плюс аморфной в социальном плане интеллигенцией (с. 738, 741).

“Элита в подлинном смысле, — подчеркивает Р. Х. Симонян, — творческая, научная, политическая — самая ценная составляющая общества. Как сердцевина живого социального организма, она концентрирует в себе лучшие его качества. Ее роль в сохранении и развитии культурного наследия нации, в выживании и процветании ничем не может быть заменена. *Элита представляет собой совокупность людей — носителей человеческих качеств, наиболее важных для сохранения и развития социума*” (с. 747). Без элиты общество не может стать цивилизованным, обеспечить научно-технический, социально-экономический и духовный прогресс.

То, что сказано отрицательно о ситуации с элитой в России, полностью относится и к Украине. Но есть один очень важный момент, существенно отличающий Россию и Украину. В России на протяжении веков сформирован социальный слой, для которого служение общественным интересам, Родине, государству — не пустой звук, а глубоко укоренившаяся традиция. Сейчас этот слой размыт, но не исчез.

Украина долгое время не имела своей государственности, а лучшие представители ее общества интегрировались в элиту СССР или российского государства. Поэтому в нашей стране не сформировались ни устойчивые традиции, ни институты служения обществу и государству.

Существенной характеристикой элиты является ответственность за состояние общества, а это — категория нравственная (с. 739). Нравственность, в отличие от моральности, связывает человека с реально всеобщим (государством, гражданским обществом). У Гегеля моральность и нравственность — различающиеся категории, которым в “Философии духа” посвящены отдельные разделы. Моральность раскрывается через умысел, намерение и благо, добро и зло, а нравственность — через семью, гражданское общество и государство⁶.

В украинском языке понятия нравственности, отличного от моральности, не существует. И нравственность, и моральность на украинский язык переводятся одним термином “моральність”. И это не случайно. Украинцы не имеют исторической традиции непосредственного отношения человека к высшей форме реально всеобщего как к своей собственной действительности, что воплощается в государстве, да и гражданское общество в нашей стране находится в стадии становления. Там, где эти традиции есть, есть и сильное государство, и нравственность как особое понятие, отличное от моральности, и элита. Это есть и в немецком, и в русском языках, но этого нет в украинском. И немцы, и россияне имеют сильное государство, а Украина — не имеет.

Украина имеет быстро истончающийся слой научно-технической элиты, людей, готовых служить науке, истине как всеобщему благу и тем самым обществу. Но она не имеет такого качества политической, управленческой элиты. В силу сказанного для Украины целенаправленное формирование элиты во всех ее составляющих является задачей выживания и развития общества и государства. Проще говоря, задача состоит в том, чтобы отбирать наиболее способных людей, давать им образование и целенаправленное воспитание, создавать возможности для их реализации в Украине.

Кроме общей задачи совершенствования системы образования и воспитания, которая решается очень сложно и долго (десятилетиями), можно предложить и более быстрые способы продвижения нашего общества в направлении формирования элиты. Например, в экономической сфере можно было бы со всей Украины отбирать 30–50 чел. после первого года обучения в магистратуре (при двухгодичном обучении в ней, на которое собирается переходить Украина) и направлять их на второй год в магистратуру Института экономики и прогнозирования НАН Украины. Там бы с ними могли работать лучшие специалисты как этого института, так и других привлеченных к соответствующему процессу научных структур (вузов, исследовательских центров и т. п.), не только владеющие теоретическими знаниями, но и тесно связанные с практикой управления экономикой. После этого с выпускниками целесообразно было бы заключать договора и направлять их на магистерские и докторские (Phd) программы в ведущих зарубежных вузах. Следующими этапами после возвращения участников таких программ, в соответствии с заклю-

⁶ См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., “Мысль”, 1977, с. 334–381.

ченными договорами, были бы предоставление им рабочих мест в государственных структурах, обеспечение достойной оплаты труда, отслеживание их продвижения, без прекращения целенаправленной работы по формированию из них высокопрофессиональных, нравственных и ответственных специалистов – граждан нашего общества.

Вместе со знаниями эти люди импортировали бы в Украину и определенные нормы поведения, управленческие навыки. Как правило, норма, которая навязывается извне в приказном порядке, в обществе не приживается, становясь чуждым институтом. В предложенном варианте цивилизованные нормы приходили бы вместе с их носителями, они бы вплетались в реальную жизнь органично, хотя и небесконфликтно. Это был бы также вклад в преодоление коррупции в Украине. Однако этим надо заниматься целенаправленно и настойчиво.

Все страны, в последние десятилетия вырвавшиеся в число развитых, использовали подобный опыт. Казахстан ежегодно посылает 2–3 тыс. студентов для учебы за границей. В государственном аппарате этой страны работают много молодых, креативных, высококвалифицированных, владеющих иностранными языками, специалистов. Таким же путем идут и многие другие постсоциалистические страны. Украина тоже в самое последнее время сделала определенные, но очень робкие, шаги в этом направлении.

Есть, правда, опыт Киево-Могилянской академии. Значительная часть выпускников ее магистратуры дальше обучались в США. Этот опыт нужно использовать. Но здесь кроются и недостатки. Выпускники этого вуза хорошо знают английский и математические методы в экономике, но плохо знают украинские реалии и реальную экономику вообще, которая очень далека от того, что читается в курсах микро- и макроэкономики, которые, как недавно обнаружилось, из-за своей оторванности от жизни не удовлетворяют и американских студентов. Кроме того, этот процесс в значительной степени финансировался американской стороной и осуществлялся под ее контролем. Естественно, что американская сторона заботилась о воспитании друзей США и развитии, прежде всего, связи США – Украина. И в этом она преуспела, что, конечно, заслуживает положительной оценки – и в смысле подготовки специалистов, и в смысле развития украинско-американских отношений. Но плохо, что, кроме этого, в Украине для воспитания национальной элиты (в том числе путем подготовки специалистов за рубежом) государством почти ничего не делалось. Как следствие, получился несколько односторонний подход. Сейчас необходимо объединить усилия государства и граждан в решении проблемы целенаправленного формирования элиты украинского общества.

В рассматриваемой книге представлен также анализ многих других проблем взаимодействия экономических и неэкономических факторов, касающихся духовно-нравственных основ общественного развития, общественно-политического устройства, интеллектуального, научно-технического и демографического потенциалов, роли элиты в обществе. В этом анализе можно найти еще много интересного и важного как для читателей, следящих за развитием экономической и социогуманитарной мысли, так и для специалистов, занятых решением научных проблем или практических задач совершенствования разных сторон жизни нашего общества.

Статья поступила в редакцию 30 января 2012 г.
